

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

PLENARY SESSION

С. СИНЕЦКИЙ

Челябинский институт экономики и права

УДК 78.078

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ XXI ВЕКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы, связанные с установками государственной политики по отношению к художественной культуре и искусству. Выявляются перспективы развития художественной культуры и профессионального искусства в современной России.

Ключевые слова: **система координат в культуре, воспроизводство художественной культуры, смена культурных кодов, инфраструктура, творческая среда.**

S. SINETSKI

SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS OF XXI CENTURY AND ARTISTIC CULTURE

Summary. The article considers the problems connected with the directives of the state politics related with artistic culture and art. The perspectives of the development of artistic culture and professional art in modern Russia are pointed out.

Keywords: **system of coordinates in culture, reproduction of artistic culture, replacement of cultural codes, infrastructure, creative environment.**

Время постсоветского периода в России характеризуется непрекращающимся реформированием систем институционального жизнеобеспечения художественной культуры и, в частности, профессионального искусства как ее высшего проявления. Кратко обобщая десятки публикаций на данную тему, отмечу, что результаты реформ оцениваются в профессиональном сооб-

шестве, как правило, негативно. Основное недовольство вызвано отсутствием внятной государственной политики по отношению к художественной культуре и искусству. Следствием этого является:

- прекращение обязательств государства по поддержке творческих союзов;
- сокращение и несистематичность закупа художественных произведений;
- нестабильность (зачастую противоречивость) требований к образовательным учреждениям, негативно сказывающаяся на процессе формирования художественной среды, воспроизводства кадров и качественной художественной культуры;
- отсутствие имиджевой поддержки институтов, обеспечивающих функционирование художественной культуры и профессионального искусства;
- демонстративное противопоставление высокому искусству образцов массовой культуры, неприкрытое потакание низкому художественному вкусу широких масс населения.

Если упростить описание ситуации, то окажется, что государственное реформирование сферы художественной культуры практически всегда предполагает снижение объемов ее нормативного финансирования и уровня иных видов поддержки. Государство перестало воспринимать художественную культуру и профессиональное искусство как сферу инвестирования.

Безусловно, сохраняются элитные творческие коллективы и отдельные исполнители, имеющие возможность реализовывать самые смелые и дорогие проекты. Однако это даже не «верхушка айсберга» — единичные, выставочные образцы, призванные продемонстрировать цивилизованному миру респектабельность российской элиты. И в этом смысле инвестиции в них являются не просто оправданными, но вполне эффективными.

Основная же масса деятелей художественной культуры и слоя ее приверженцев из обширной российской провинции пока не находят рациональных аргументов в диалоге с государством. Аргументы «деньги нам нужны, потому что так было всегда», «потому что мы делаем хорошее дело» и подобные им не воспринимаются «эффективными менеджерами» и «самодостаточными политиками». Нередко в адрес государственных ресурсодержателей звучат упреки в необразованности, невоспитанности, бескультурии и т. п. Однако такого рода претензии скорее вызывают желание ответить аналогично. Например, данными статистики о сокращении обращений населения к образцам высокого искусства, шире — востребованности художественной культуры в ее сложных проявлениях. Вероятно, самой системе художествен-

ной культуры (в лице репрезентирующих ее интеллектуальных групп), зависящей от внешних ресурсов, необходимо понять объективные причины происходящего и попробовать оценить свои возможности как в сложившейся ситуации, так и в ситуации будущего.

Художественная культура (как, впрочем, любая деятельность) принципиально зависит от «контекста» — тех наличных условий и, что особенно важно, тенденций, в которых она будет существовать. Иными словами, перспективы художественной культуры и профессионального искусства в России зависят от правильности анализа текущей ситуации, прогноза ее развития, возможности вписаться в тенденцию (адаптироваться), способов представить свои возможности (полезность) политическим элитам страны. Сбои в построении «систем координат» (контекстуализации), неточности в определении приоритетов, ошибки в выборе средств приводят к отсутствию желаемого результата. По моему мнению, одним из основных ограничений в диалоге художественных элит с элитами государственными является именно отсутствие понимания новизны ситуации и роли художественной культуры в формировании нового российского общества.

В чем же новизна современной ситуации и каково место в ней качественной художественной культуры и профессионального искусства? Отвечая на данный вопрос, уместно вспомнить о том, что мы являемся свидетелями глобальной смены эпох. Аграрная и индустриальная эпохи, в которые сформировалась привычная нам художественная культура, уступают место эпохе информационной. Главное различие между индустриальной (наиболее близкой нам хронологически) и информационной эпохами заключается в их темпоритмической генетике. Говоря об уходящей индустриальной эпохе (и, соответственно, культуре), принято выделять следующие ее принципиальные характеристики:

1. Относительная статичность картин мира. Даже на протяжении большей части XX века получаемые человеком знания о мире оставались актуальными достаточно длительное время, сопоставимое с существенными периодами жизни человека.

2. Относительная устойчивость жизненных укладов и характерных для них темпоритмических алгоритмов, не менявшихся десятилетиями. Стабильное ценностно-нормативное воспроизводство в сочетании с устойчивыми знаниями о мире делали жизнь предсказуемой (планируемой), понятной и психологически комфортной.

3. Относительная устойчивость «систем координат», смысло-жизненных ориентиров, в которых выстраивалась жизненная парадигма представителей тех или иных сообществ. Традиция являлась основным механизмом

воспроизводства культуры. Передача знаний, опыта, навыков осуществлялась процессно, длительно, требуя значительного времени для усвоения последователями. В эту процессность отлично вписывалась и художественная культура с ее архаичными (от наставника к ученику) способами воспроизводства.

Сегодня многое изменилось. «Динамика» — вот, пожалуй, основной термин, характеризующий состояние жизни XXI века. Известный ученый-футуролог Рэймонд Курцвейл рассчитал, что смена важнейших представлений людей о мире после 1000 г. до н. э. происходила каждые 100 лет, в XIX веке произошло больше перемен, чем за предыдущие 900 лет, а в первые 20 лет XX века случилось больше событий, чем за весь XIX век. К 2000 году масштабная смена парадигмы стала происходить каждое десятилетие. XXI век, предсказывает Рэй Курцвейл, принесет в 1000 раз больше изменений, чем век XX. Например, уже сегодня один выпуск *New York Times* содержит больше информации, чем рядовой гражданин в VIII веке смог бы переварить за всю жизнь [цит. по: 8, 26].

Наступает эпоха прерываемого воспроизводства. Скорость жизни увеличивается, плотность коммуникаций возрастает в прогрессии, сами же коммуникативные транзакции предельно упрощаются. Революция в информационных технологиях не просто ликвидировала дефицит информации, но привела к ее многократной избыточности. Интернет, персональные мобильные передающие устройства, моментально доступные из любой точки мира информационные базы, умные электронные доски и проекционные установки в сочетании с конкуренцией в сфере производства, хранения, распространения информации создали ситуацию информационного перегрева. Теперь уже информация ищет своего потребителя, подстраиваясь под особенности его восприятия, его интересы, потребности, интеллектуальные и технические возможности. Такая подстройка приводит к постоянному упрощению, обеднению, примитивизации языков коммуникации. У человека нет стимула прилагать усилия для получения нужной информации, но уже создатели информации пытаются любыми путями быть понятыми или хотя бы замеченными. Данную ситуацию первыми зафиксировали специалисты по маркетингу и *Public Relations*: «Для того чтобы сообщение проникло в глубь человеческого сознания, необходимо <...> отбросить все неясности, упростить, а потом <...> еще раз упростить. Те, кто зарабатывает коммуникациями себе на жизнь, прекрасно осознают необходимость свехупрощения», — пишут Э. Райс и Д. Траут [5, 18]. Данный коммуникативный тренд дестимулирует интеллектуальное самосовершенствование, упрощает сознание и сам процесс мышления. Сложные интеллектуальные функции, связанные с анализом,

оценкой, выбором, творчеством, вытесняются из повседневной мыслительной деятельности. Их все больше принимают на себя специально подготовленные профессионалы (эксперты, аналитики, креативщики) или компьютеры.

В то же время система воспроизводства художественной культуры и искусства остается крайне медленной и сложной, соответствующей темпоритмике прошлых веков. Нужны годы, чтобы освоить хотя бы минимальные стандарты художественной деятельности, и десятилетия, чтобы достичь мастерства и получить признание. Даже потребителю нужно длительное время и большие интеллектуальные усилия, чтобы освоить (научиться понимать) сложный язык высокого искусства. Очевидно, что критическая масса населения будет идти по легкому пути, выбирая иные сферы самореализации и потребления, простые языки коммуникации, не требующие специальных интеллектуальных усилий и временных затрат для овладения.

Художник все больше попадает в сложную ситуацию выбора. Начиная говорить проще (примитивизируя мелодию, рисунок, текст, минимизируя выразительные средства), стараясь стать понятнее большинству, он неминуемо «скатывается» до массовой культуры, нередко становится персоной *pop grata* в своем профессиональном сообществе. Сохраняя же сложный изысканный язык своего искусства, перестает быть понимаем большинством, лишается поддержки продюсеров (издателей, иного рода менеджеров от культуры) и, естественно, власти. Ведь и продюсеры, и чиновники зависят от большинства. «Если произведение не будет покупаться — зачем в него вкладывать?» — это логика бизнеса. «Если население не воспринимает сложный язык искусства — зачем поддерживать тех, кто на нем изъясняется?» — это логика власти.

Мне могут возразить, что и высокое искусство, и условный «маскульт» существовали во все времена и в разные эпохи. То, что сегодня почитается как классика (например, вальс в операх и балетах П. Чайковского и С. Прокофьева), в известные времена было вполне массовым, простым и понятным большинству. Однако трагедия современной художественной культуры предопределена скоростью изменений, скоростью отказа от всего сложного в пользу всего простого. Сегодня смена культурных кодов, языков коммуникации (коим, безусловно, является искусство) происходит при жизни одного поколения. То, на чем воспитаны отцы, при естественном течении жизни становится недоступно восприятию детей.

Вторым фактором, негативно влияющим на воспроизводство качественной художественной культуры, является глобальный демографический переход [подробнее см. 2; 3]. В планетарном масштабе это означает ради-

кальный рост населения бедных стран и регионов (находящихся на аграрно-индустриальных стадиях развития) и стабилизация роста населения в странах и регионах экономически развитых (вошедших в информационную стадию развития). Демографический переход радикально увеличивает миграционные потоки. Вливание в традиционные социумы критической массы людей с иной культурой (зачастую далекой от высоких художественных стандартов), перемешивание их со старожилками также способствует сокращению среды распространения классического искусства и традиционной качественной художественной культуры.

Есть и третий объективный фактор, как минимум, не способствующий естественному (то есть без специального вмешательства) сохранению высокого искусства в числе приоритетного для освоения процессов человеческой деятельности. Ведущий российский культуролог А. Я. Флиер отмечает, что «развитие культуры как программы социального поведения следует по пути движения от жесткой нормативности к свободе» [9]. Овладение же навыками создания произведений художественной культуры, а тем более достижения стадии искусства требуют жесткого подчинения учителю, мастеру, муштры, отказа от многих соблазнов, ставших доступными благодаря информационному обществу. В условиях каждодневно расширяющегося выбора форм, способов и условий самореализации, профессионализации, досугового времяпрепровождения личности все труднее делать выбор в пользу самоограничительной жизненной концепции ради овладения знаниями и навыками в области искусства и качественной художественной культуры в целом.

Таким образом, нетрудно заметить, что тенденции социокультурных трансформаций, ясно проявившиеся в XXI веке, не способствуют возвышению художественной культуры традиционных социумов и искусства как ее высшего проявления. Искусство из средового феномена все больше становится феноменом клубным, доступным (не юридически, а по пониманию) лишь избранным. Примеров такого вытеснения массового в клубное в истории немало. Ведь и латинский язык на каком-то этапе своего бытования был отвергнут как актуальный язык повседневной коммуникации, сохранившись лишь в отдельных профессиональных областях да клубах любителей экзотики.

Означает ли сказанное выше, что сложноустроенная художественная культура и высокое искусство не имеют перспектив широкого распространения в XXI веке и представляют собой локализуемые области человеческой деятельности? Правда ли, что поддержка сложных художественных практик перестает быть приоритетом государства? Прежде чем ответить на данные вопросы, стоит обратиться к опыту развитых стран, являющихся лидерами

как в экономике, так и в инновационном развитии. Это страны Западной Европы, США и Канада, Япония и Южная Корея. На первый взгляд кажется парадоксальным, что в странах, вступивших первыми в информационную эпоху, не только не снижается уровень воспроизводства художественной культуры, разнообразная поддержка профессионального искусства (и государственная, и частная), но явно проявляется установка на лидерство в этой сфере, создание новых прецедентов, модных стилей и жанров, брендов. Массовое начальное обучение музыке и живописи обязательно в Японии и практикуется в сколько-нибудь серьезных школах США и Западной Европы. А с недавних пор подобным образом ведет себя и Китай, чья гастрольная афиша включает лучшие художественные коллективы со всего мира. Вряд ли политические и бизнес-элиты стран с классической рыночной культурой (Китай — отдельная тема), где деньги учатся считать с детства, где налоги невозможно тратить произвольно, могут так единодушно ошибаться. Вряд ли китайские лидеры, поставившие цель вывести страну в число мировых держав, тратят ресурсы на непродуктивные для достижения цели процессы.

Если продолжить анализ тенденций, определяющих информационную эпоху, можно с уверенностью сказать, что в качестве основного ресурса, определяющего жизнеспособность и конкурентоспособность любого сообщества, начинает выступать интеллект. Каждое сообщество в рамках своих пределов (границ и возможностей) должно осуществлять определенную внутреннюю и внешнюю политику, обеспечивающую разного рода преимущества в сравнении с другими сообществами. В доиндустриальных сообществах такие преимущества заключались в физическом обладании большими участками земли (территориями), в индустриальных сообществах — доступе к природным полезным ископаемым как сырьевой базе для получения энергии производства. Однако в постиндустриальную эпоху сообщества-страны, создавшие сырьевые экономики, начали отставать в развитии от сообществ-стран, вынужденно (в силу недостатка природных ресурсов) или осознанно сделавших ставку на высокие технологии, то есть развивавших интеллектуальные сферы хозяйства.

Логично предположить, что в XXI веке конкурентные преимущества будут определяться в первую очередь устройством систем «извлечения» интеллектуальных ресурсов из социумов, конвертации интеллекта в решения, действия, изобретения. Системы перекачки интеллекта уже давно работают на экономики развитых стран [6]. Интеллект становится главным ресурсом и, соответственно, главным предметом конкуренции.

Однако интеллект — качество в значительной степени формируемое, развиваемое (в том числе при наличии природных задатков). Уровень (каче-

ство) интеллекта определяется особенностями мышления. Чем сложнее устроено мышление, чем более сложные коммуникативные коды оно способно расшифровывать, чем более сложные языки понимать, тем выше вероятность обратной отдачи — принятия нестандартных управленческих решений, изобретений, создания «правил игры» для других (что, собственно, и сделали в свое время США в глобальном масштабе).

Сложное интеллектуальное мышление можно формировать по-разному. Например, с детства заставлять ребенка учить древнегреческий язык, решать математические задачи или заниматься с ним ораторским искусством. Однако самый очевидный, естественный, массовый и сравнительно недорогой путь интеллектуализации общества — прививать вкус к качественным сложным образцам искусства и художественной культуры в целом. Не стоит преувеличивать эстетическую функцию художественной деятельности — это предмет бесконечных дискуссий профессионалов. Тем более трудно говорить о развитии нравственно-духовных основ общества благодаря искусству (Гитлер, помнится, очень любил классическую музыку). Однако в качестве формирования сложного, изощренного, творческого мышления искусство пока незаменимый инструмент.

Это, кстати, очень хорошо понимали политические руководители СССР, добиваясь массового приобщения к художественному (в широком смысле) творчеству народных масс. Если вспомним, при каждом образовательном учреждении и предприятии были коллективы художественной самодеятельности. Инженеры и рабочие занимались в драмкружках, пели в хорах, участвовали в смотрах и фестивалях. Инфраструктура самодеятельного творчества создавала среду, восприимчивую для сложного профессионального искусства. Обучение в музыкальных школах было правилом хорошего тона независимо от выбора будущей профессии. Интеллектуальный уровень выпускников советской школы признавался во всем мире. И до сих пор страна живет запасом открытий и разработок, созданным советскими учеными и инженерами. Для меня нет сомнений, что это результат в значительной степени и проводимой в то время культурной политики.

В современной России, несмотря на многие ошибки реформаторства, сохранился потенциал художественной культуры, необходимый для целей интеллектуализации нации. Несмотря на многие проблемы: закрытие более тысячи музыкальных школ за последние 15 лет, повышение среднего возраста преподавателей художественных образовательных учреждений до уровня критического, устаревание материальной базы, низкие зарплаты и низкий социальный статус деятелей [1; 4] — систему художественной культуры вполне можно начать использовать по назначению и весьма эффективно. Однако для

этого нужна осмысленная культурная политика (современная концепция культурной политики обстоятельно изложена мною в отдельной монографии [7]). И именно о выработке такой политики необходимо вести речь с государственной властью.

Инициатива в этом вопросе, скорее всего, должна принадлежать интеллектуальным агентам нации в лице ученых-теоретиков, способных к разработке концептуальных основ государственной политики в области художественной культуры и искусства. Политике, ясно демонстрирующей потенциальный эффект от деятельности систем художественной культуры и профессионального искусства в повышении интеллектуального потенциала нации, формировании сложного мышления, эрудиции и кругозора населения. Именно этот вектор в оценке полезности художественной культуры видится сегодня важнейшим условием повышения конкурентоспособности российского общества и государства.

В данной статье я весьма вольно использовал термины «художественная культура» и «искусство», что может вызвать справедливые упреки как ученых-методологов, так и узких специалистов соответствующих профилей. Тем не менее, я счел возможным пренебречь строгостью определений ради более открытого, публицистического стиля статьи, что, по моему мнению, должно сделать ее более понятной широкому кругу вероятных читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронова И. И.* Сфера культуры в условиях общественных реформ // Научные ведомости. — 2007. — № 2 (33). — С. 175–179.
2. Демографический переход [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0129590>. — Загл. с экрана.
3. Демографический переход [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энцикл. — Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki / Демографический переход](http://ru.wikipedia.org/wiki/Демографический_переход). — Загл. с экрана.
4. *Новоселова А. А.* Дополнительное образование детей в отрасли культуры и искусства (детская школа искусств) [Электронный ресурс] // Юридическая библиотека ЮРИСТЛИБ, 2010. — Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_9595.html. — Загл. с экрана.
5. *Райс Э.* Позicionирование: битва за узнаваемость: пер. с англ. / Э. Райс, Дж. Траут; под ред. Ю. Н. Каптуревского. — СПб.: Питер, 2001. — 256 с.
6. *Синецкий С. Б.* Региональная элита как ключевой объект межрегиональной конкурентной борьбы // Социокультурные аспекты развития регионов: сб.

- науч. тр. / М-во образования и науки Челяб. обл.; НОУ ВПО «Челяб. ин-т экономики и права им. М. В. Ладощина». — Челябинск, 2010. — С. 171–178.
7. *Синецкий С. Б.* Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего: монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2011. — 288 с.
  8. *Токарев К.* ТРЕНДЫ, БРЕНДЫ ФРЕНДЫ... // ЛюМОН. — 2007–2008. — № 18–19. — С. 26–29.
  9. *Флиер А. Я.* Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. — Режим доступа: http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/#. — Загл. с экрана.

REFERENCES

1. *Voronova I. I.* Sphere of culture under conditions of social reforms//Scientific registers. — 2007. № 2 (33). — Pp. 175–179.
2. Demographic transmission [Electronic resource]//Access: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0129590>. — Title from the screen.
3. Demographic transmission [Electronic resource] // Wiki: free encyclopedia. — Access: [http://ru.wikipedia.org/wiki / Demographic transmission](http://ru.wikipedia.org/wiki/Demographic_transmission). — Title from the screen.
4. *Novosyolova A. A.* Supplementary education of children in the field of culture and art (children school of arts) [Electronic resource]//Juridical library YURIS-TLIB, 2010. — Access: http://www.juristlib.ru/book_9595.html. — Title from the screen.
5. *Rais E.* Position: buttle for recognition: transl. from English/E. Rais, G. Traut; edited by Yu. N. Kapturevski. — St. Pb.: Piter, 2001. — 256 p.
6. *Sinetski S. B.* Regional elite as the key object of interregional competitor's struggle//Socioculturak aspects of the regional development: coll. of scientific works/Ministry of Education and Science of the Chelyabinsk region; NOU VPO “Chelyabinsk institute of economics and right named after M.V. Lado-shin”. — Chelyabinsk, 2010. — Pp. 171–178.
7. *Sinetski S. B.* Cultural politics of XXI century: from precedent of History to the project of Future: monograph. — Chelyabinsk: Encyclopedia, 2011. — 288 p.
8. *Tokarev K.* ТРЕНДЫ, БРЕНДЫ ФРЕНДЫ... // ЛюМОН. — 2007–2008. — № 18–19. — Pp. 26–29.

9. *Flier A. Ya.* Origin of culture: new concept of cultural genetics [Electronic resource]//Knowledge. Understanding. Skill. — Access: http://www.zpujournal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/#. — Title from the screen.

© Синецкий С. Б., 2012

Синецкий Сергей Борисович — доктор культурологии, кандидат пед. наук, доцент, проректор по научной работе Челябинского института экономики и права им. М. В. Ладощина, член комиссии по культуре Общественной палаты Челябинской области

Sinetski Sergei Borisovich — Doctor of Acculture, Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Vice-Rector on Scientific work at the Chelyabinsk Institute of Economics and Right named after M.V. Ladoshin, member of the committee of culture in the Social chamber of the Chelyabinsk region